

Я. П. Полонский

Рассказ вдовы

Проза русских поэтов XIX века. Сост., подготовка текста и примеч. А. Л. Осповата.
М., "Советская Россия", 1982

OCR Бычков М. Н.

Эта вдова была очень странная молоденькая дама. Я постоянно встречал ее в трауре. Встретиться с ней было нетрудно, потому что она не чуждалась общества; но где бы она ни была, как бы ярко ни горели свечи, как бы радостно ни звучали клавиши под пальцами заезжего артиста, как бы горячо ни спорили при ней молодые люди, редко изменялось выражение лица ее, тихо-грустное и глубоко-сердечное. У блондинок с светлыми глазами и с волосами мягкими, как пух, никогда не видел я строгого лица -- а у нее лицо было до такой степени честное, что казалось строгим; лоб у нее был не высок, не широк и не узок -- это был очень стройный лоб, с выпуклостями над бровями, которые едва заметно и оттеняли их; голубые жилки сквозили на висках; на ее бледных античных губках, как на устах Минервы, изредка появлялась горькая улыбка. Я любил наблюдать за ней издали: когда, бывало, в сумерки, или где-нибудь в уголке, сидит она одна и свесит голову, я замечал, губы ее слегка шевелились; но молилась она или беседовала сама с собой -- господь ее ведает! Никогда не жаловалась она на скуку и никому не навязывала своих воспоминаний. Сначала пробовали ее рассеять, потом оставили в покое; у нее не было ни отца, ни матери, зато было бесчисленное множество родных, принадлежащих к фамилиям московских аристократов. Одна из ее родственниц, пожилая, разбитная, светская дама, советовала мне поволочиться за интересной вдовушкой. Я отвечал, что этого никогда не будет, а между тем, признаюсь, давно уже, незаметно для других, за ней ухаживал. Сначала мне хотелось как-нибудь, чем-нибудь рассмешить ее -- не удалось: галантерейный вздор ее не трогал. Стал я говорить о природе, об искусстве, вообще о таких предметах, на которых нетрудно практиковаться в красноречии, озадачивать своим или чужим умом, увлекаться и увлекать. Она молча слушала меня, даже, смею сказать, вслушивалась в мои слова; но становилась еще серьезнее или, закрываясь платком, начинала зевать. Я усомнился в ее уме и стал рассчитывать исключительно на ее сердце.

Одно лето вместе с тетужкой, с дядюшкой и кузинами, пожилыми девами, проводила она близ Москвы, а именно в Сокольниках. Там, в те блаженные дни моей юности, я часто бывал у них. Дядя ее, широколицый, лысый, приземистый старичок, редко был вне своего халата; страстно любил певчих птиц, держал соловьев; по утрам сам чистил клетки и насыпал корм; и так как на дворе была голубятня, то и голуби пользовались благосклонностью его превосходительства (он был действительный статский в отставке); носил очки и когда глядел на клетку или следил за полетом голубя, стоял, раскрывши рот и заложа одну руку за пазуху. Облекаясь в сюртук или фрак, он украшался всеми имеющимися у него орденами, был гостеприимен, не читал новых книг и любил толковать о политике. Жена его была похожа на него до безобразия, также носила очки и также раскрывала рот, когда к ней в гостиную входили гости. Дочки были большие хозяйки или, лучше сказать, рукодельницы, что нисколько не мешало им выезжать в большой свет, любить цветы, читать Филарета и слыть богатыми невестами. Вся семья была необычайно строгих правил, набожная, простая и нецеремонная. У их племянницы Марьи Игнатьевны (вдову звали Марьей Игнатьевной) была своя комната наверху, куда никто не входил, не постучавшись сначала в дверь. Я никогда не был в ее комнате, видел только лестницу наверх да лампадку, которая всю ночь, бывало, светила в ее маленьком окошечке.

Однажды вечером, около семи или восьми часов, я застал Марью Игнатьевну на том же месте, где я всего чаще встречал ее одну, а именно в роще, на скамейке, неподалеку от земляного вала, из-за которого видна была крыша ее светелки и угол голубятни. По черному платью, белым рукавчикам, бледному личику я всегда издали узнавал ее. На этот раз я подошел к ней не без сердечного трепета.

-- Я не мешаю вашим размышлениям,-- сказал я, как Дон-Жуан в "Каменном госте" Пушкина,-- или вам все равно, быть в обществе или без общества,

-- Это правда, мне все равно,-- отвечала она своим детским голосом.

-- Знаете ли, что мне странно в вас: вы все о чем-то думаете, а, между тем, вы вовсе не рассеяны.

О! вы всегда слышите все, что говорят.

-- А разве вы думали, что я глухая?

-- Нет... я этого вовсе не думаю, хоть вы и не отвечали мне на один вопрос.

-- На какой?.. А, да!-- и она задумалась.

-- Помните? я спросил вас...